

Иван Сафранчук

ИСЛАМИСТСКАЯ УГРОЗА ДЛЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: АФГАНИСТАН И ГЛОБАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Уже в первые месяцы пребывания Б. Обамы в Белом доме весной 2009 г. появились сигналы о том, что политика США в отношении Афганистана будет меняться. Тогда еще не говорили в открытую об *exit strategy*, но в непубличных беседах ответственные фигуры стали интересоваться, как Советский Союз подготовил и осуществил *вариант Наджибуллы*, который западными партнерами вдруг стал оцениваться не как провальный, а как вполне успешный.

Политическое руководство стран Центральной Азии в 2009–2011 гг. не верило в разговоры о том, что Б. Обама уйдет из Афганистана. В регионе преобладали такие настроения: *не зря американцы пришли в регион, они теперь никогда не уйдут из Афганистана или американцы столько денег потратили в Афганистане, они никогда этого не бросят*. В общем, у американцев есть *Grand Strategy* и они ей следуют — были убеждены все в Центральной Азии, а все разговоры о выходе из Афганистана — это так, для отвода глаз. Такие настроения многократно усиливались распространенной в регионе верой в *теории заговора* и в американскую приверженность *большой геополитической стратегии*.

Однако в 2012 г. стало совершенно очевидно, что американская кампания в Афганистане становится все более вялой, ответственность за безопасность передается местным силовикам. В общем, намерения американцев не ясны, а способность афганцев обеспечить безопасность в стране тоже под вопросом (и, возможно, преувеличивается). И весь 2012 г. в Центральной Азии прошел под знаком осознания афганской угрозы.

Впрочем, руководство большинства стран Центральной Азии и мейнстримовские местные эксперты, которые, как и их коллеги в других постсоветских странах, соревнуются в экспертном оформлении *настроений верхов*, а не в самостоятельном анализе — уж очень они не хотели плохих новостей. И хорошие новости пришли.

В 2012 г. стало принято говорить, что американцы не уходят из Афганистана, а имеет место *переформатирование* их присутствия: сворачивается миссия МССБ, но остаются американцы, немцы, британцы на основе двусторонних договоров. И большинство в Центральной Азии выдохнуло с облегчением — американцы остаются, а значит, они все разрулят.

В результате в 2013 г. в странах Центральной Азии среди экспертов и политиков стало принято говорить о возможных угрозах с афганского направления с некоторой ухмылкой. Эксперты в Казахстане, Таджикистане и Кыргызстане многозначительно подчеркивали, что алармистские оценки перспектив развития ситуации звучат в основном от российских представителей. Намек понятен — это, мол,

И
Н
И
П
А
Т
Н
Е
М
М
К
О

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ СТРАНИЦЫ

ЮРИЙ ФЕДОРОВ:

Политическое будущее Узбекистана зависит от того, смогут ли в критический момент ключевые группировки договориться между собой относительно кандидатуры будущего президента. Достичь такой договоренности в Узбекистане будет намного труднее, чем в Туркменистане в 2006 г., по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, в процесс согласования неизбежно должно быть вовлечено заметно больше фигур, клик, групп влияния и кланов, чем в Туркмении. Во-вторых, в Ташкенте не могут не помнить, что Бердымухамедов в течении одного-полутора лет уволил в отставку всех, кто привел его к власти на рубеже 2006–2007 гг. А это еще более затруднит процесс поиска и согласования приемлемых для всех кандидатуры преемника Каримова. Иными словами, политический кризис в Узбекистане если и не неизбежен, то вполне вероятен.

Узбекистан: нестабильный фактор стабильности. Индекс Безопасности, № 3–4 (102–103). Осень-Зима 2012.

Россия пугает страны региона афганской угрозой, по всей видимости, в надежде усилить свое влияние в регионе и взять под свой контроль сферу безопасности. Эти же настроения продолжают и в 2014 г.

Но отметим такой парадокс. Страны, где в наибольшей степени распространены вышеозначенные настроения, сотрудничают с Россией по вопросам безопасности в рамках ОДКБ, в том числе и по афганской тематике. А вот страна, где афганская угроза воспринимается всерьез — Узбекистан — отошла от общих усилий ОДКБ вообще, а по афганскому вопросу в частности и в особенности. О чем это говорит? К сожалению, возможно о том, что сотрудничество в ОДКБ по афганской тематике хотя и развивается, но воспринимается партнерами как некое дежурное дело, обязательная программа.

Узбекистан же, действительно, серьезно относится к рискам с афганского направления. Можно по-разному оценивать конкретные шаги узбекского политического руководства и их спецслужб. Они работают теми методами, которые им доступны, и так, как умеют. По крайней мере четко видно, что риски они оценивают адекватно. И для них это вопрос не риторики, а именно безопасности государства, общества и политической элиты. Очень серьезно относятся к афганскому вопросу в Индии, Иране, Пакистане и Китае.

И в свете вышеописанного парадокса очень показательно следующее. В Узбекистане воспринимают свою границу с Таджикистаном практически так же, как границу с Афганистаном, считая таджикско-афганскую границу абсолютно слабой. Конечно, это подтверждает заявления и усилия ОДКБ в направлении укрепления границы Таджикистана с Афганистаном. Но очевиден и ограниченный прогресс этих усилий: если для Узбекистана одна из его границ с ОДКБ (с Таджикистаном) мало чем отличается от границы с Афганистаном, это очень серьезный сигнал.

Впрочем, всеобщий фокус на охране границ может увести всех нас в сторону — и оптимистов, и алармистов. Сейчас очень важно понимать суть экстремистской угрозы и механизм ее проявления в Центральной Азии.

Во второй половине XX в. в мире сформировался *Фронт борьбы за веру и ценности ислама*. Этот фронт интернационален, он готов принять участие практически в любом региональном или локальном конфликте. В прошлом отдельные группы этого фронта нередко становились инструментом в руках прежде всего западных спецслужб.

Самый яркий пример — это период пребывания советских войск в Афганистане в 1979–1989 гг. Причем в таком сотрудничестве позиция самих борцов за веру более честная: они готовы к тактическому взаимодействию с неверными, но при этом все равно воюют за свои идеалы. А вот те, кто пытается их использовать

для своих грязных дел, не имеют морального права жаловаться на то, что борцы за свободу оказались ненадежными союзниками.

У этого интернационального *Фронта войны за ислам* есть и постоянные союзники. Это богатые и влиятельные фигуры из ближневосточных монархий (не обязательно официальные государственные структуры).

Но ни тактические, ни постоянные союзники не могут в полной мере контролировать борцов за веру. Конечно, они (особенно постоянные союзники) способны оказывать на борцов за веру некоторое влияние. Можно спорить о его степени, но оно не абсолютно.

Фронт борцов за веру так велик, что полностью его уничтожить, равно как и нанести ему серьезный ущерб, невозможно. Но и возможности самого интернационального фронта тоже не безграничны. Он может подпитывать подполье во многих странах, проводить разовые террористические акты, но вести активную партизанскую войну против регулярных армий одновременно более чем в двух-трех местах не может.

При этом сам *Фронт борцов за веру* заинтересован в перманентной войне: поскольку постоянные союзники обеспечивают необходимые ресурсы, материально-техническое истощение борцам за веру не грозит, а человеческие потери для них не проблема. Как ни парадоксально, в результате многочисленных конфликтов с участием воинов за веру, где они порой несут ощутимые потери в живой силе, общее их количество не уменьшается, наоборот, каждый конфликт преумножает их численность. Поэтому от конфликта к конфликту *Фронт борцов за веру* становится сильнее.

Что касается тех, кто ведет *глобальную войну с терроризмом* (а по сути погряз в многочисленных региональных и локальных конфликтах с *Фронтом борцов за веру*), им тоже необходимо перманентно поддерживать военную кампанию. Уже проходят иллюзии, будто широкомасштабные боевые действия способны нанести борцам за веру сокрушительное поражение или хотя бы значительно подорвать их силы и боевой дух. Как уже отмечалось, приходит осознание того, что с каждой войной они крепнут и набирают мощь. Однако договариваться с ними пока не готовы — абсолютно не понятно, как и на каких условиях это делать.

Спрятаться за национальными границами, увы, не получается — глобальный *Фронт борцов за веру* способен вести войну в любой точке планеты, и препятствий в виде государственных границ для него не существует. Единственное, что можно делать — это не давать фронту полную свободу в выборе места и времени конфликта. Собственно, на современном этапе к этому и сводится так называемая война с терроризмом — к необходимости открывать новый конфликт, стягивающий и концентрирующий основные силы борцов за веру. Причем делать это приходится без реальной надежды их победить, а чтобы занять этих борцов в определенном месте на определенное время. Пока они в этом месте, у них нет сил и возможности начать новый конфликт. Пока борцы за веру воюют в Афганистане, а также на Ближнем Востоке против *режимов фараонов*, они не открывают новый фронт в США, Европе или Саудовской Аравии. Но в какой-то момент, на какой-то стадии (под прикрытием риторики о мирных переговорах с *умеренными*, о *стабилизации*, о *завершении военной стадии и переходе к новому этапу* и т. п.) конфликт придется заканчивать, хотя бы затем, чтобы открыто не демонстрировать неспособность одержать верх в многолетнем противостоянии с борцами за веру. Конфликт заканчивается, но нужен новый, чтобы опять все были заняты. Причем как бы это ни казалось логичным сторонникам *теории заговоров*, прямых переговоров между *Фронтом борцов за веру* и лидерами *глобальной войны с терроризмом* нет. Они не проводят тайных переговоров, чтобы решить, где и когда спровоцировать новый конфликт. Борцы за веру пробуют свои силы в разных странах и регионах, где достаточен уровень противоречий и высок конфликтный потенциал. Где-то они получают жесткий отпор и отступают, понимая, что тут новый фронт

Проект ПИР-Центра
«Безопасность Центральной
Азии и Россия»

- Ядерная безопасность
- Терроризм и наркотрафик
- Военно-техническое сотрудничество
- Афганское урегулирование

centralasia.pircenter.org

войны не откроешь, а где-то видят возможности для разжигания конфликта, развертывания и расширения своего присутствия. Можно и так сказать: где-то им дают открыть новый фронт борьбы, а где-то нет.

Важно понимать, что при всей самоотверженности борцов за веру, лидеры глобального фронта не имеют целью втягиваться в войну безнадежную. Они воюют не ради того, чтобы умереть, а для того, чтобы стать сильнее, поэтому, чувствуя жесткий отпор, борцы за веру предпочитают отступить и сменить поле боя — где-нибудь им да удастся разжечь новый конфликт, где-то им

дадут это сделать (а постоянные союзники даже поощрят).

Интенсивность афганского направления *глобальной борьбы с терроризмом снижается*. Афганский фронт постепенно закрывается. Должна появиться новая большая горячая точка.

Вокруг выбора места нового поля боя разворачивается серьезная политическая борьба. И речь не только о географии. По всей видимости, США и их западные союзники, которые уже почти 13 лет играют ведущую военную роль в борьбе с *Фронтом борцов за ислам*, решили от такой активной роли отказаться. Иначе говоря, исламистам надо подобрать нового *спарринг-партнера*. Таким образом, нужна такая географическая точка, где был бы сильный региональный игрок, который при интенсификации локального конфликта будет вынужден и способен взять на себя бремя его ведения.

Это могут быть Северная или Восточная Африка, Ближний Восток, Пакистан, СУАР Китая, а может быть и Центральная Азия. Заинтересованные стороны не могут решить, где позволить разгореться новому конфликту. Попробовали в Сирии, но ценой серьезных усилий Россия и Иран не дали в полной мере открыть этот фронт. Поиски нового места продолжаются. И Центральная Азия остается одним из вариантов.

На этой стадии тем, кто заинтересован в мире в Центральной Азии, особенно важно демонстрировать готовность и способность дать жесткий отпор любым проявлениям нестабильности. Необходимо четко дать понять: открыть в Центральной Азии новый фронт *глобального джихада и глобальной войны с терроризмом* не получится — страны региона не позволят. Но сделать такой посыл убедительным и эффективным можно только, во-первых, реально осознавая всю опасность нависшей над регионом угрозы (а не посмеиваясь над якобы страшилками), а во-вторых, только общими усилиями. Не может быть нестабильный Памир, но стабильная Ферганская долина, не может быть нестабильная Ферганская долина (пусть даже не узбекская ее часть), но стабильный Ташкент и т. д. Отгородиться от проблем у *соседа* границами получится только на время, к тому же с потерями для торговли и экономики.

Не надо питать иллюзий, что с теми, кто *играет в терроризм и войну с терроризмом*, можно договориться по-хорошему. Необходима постоянная демонстрация готовности к действиям.

